

Территория Творчества

**Девять
Жизней**

¹¹ *За час до полудня*

Валентина Спирина Девять Жизней. За час до полудня

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36623737
ISBN 9785449332424*

Аннотация

«Девять Жизней. За час до полудня» – это одиннадцатый сборник серии. Мы не изменяем своей традиции, поэтому наряду с маститыми поэтами и писателями в сборник вошли и молодые, начинающие авторы, ибо у каждого должно быть место под солнцем, даже если солнце – литературное. И снова Вас ждёт калейдоскоп самых разных произведений: пейзажная лирика и лирика любовная; социальная лирика, написанная на злобу дня; классическая проза и фэнтези. И уж что-нибудь вам обязательно придётся по душе.

Содержание

Валентина Иванова (Спирина)	8
Маленькие города	9
Идиллия утра	11
Шоколадом небо...	12
Жара	13
Лифт	14
Немножко про Смерть	16
Доброй ночи...	19
Доченьке	20
Чувствую	22
Путешествие	23
На переходе...	25
Письмо себе из будущего	27
Вариации на тему Черного Квадрата	29
Максим Бурдин	31
Марии Бурдиной	33
Деду	34
Крым	36
1918	38
Третий Рим	40
Бог идет по земле	42
«У реки, когда солнце печёт вовсю...»	44
«Никогда, ты слышишь, никогда	45

не спрашивай...»	
«За городом неба больше и облака ближе...»	47
«Селёдка в масле. Луковица. Век...»	49
«Где бомж собирает объедки...»	50
«Я часто представляю: ты стоишь...»	51
«Если ты заснул в халате...»	52
«Зашторив окна, чтоб уйти от света...»	53
Вольное переложение Псалтыри, псалом 27	54
«Будь моим цветом, запахом, прекрасным днём...»	56
Феодосия	57
Николаю II	58
Люберцы	60
«Не то, чтобы под луной или под небом звёздным...»	62
Русалка	64
Симург	67
Колыбельная	68
«За что я Родину люблю?..»	69
Ода лампочке	70
Жизнь и чудеса святого Спиридона Тримифунтского, Глава 1	71
Два монолога	73
Письмо Богу	75
«Смерть ли это земли, гнев ли неба?..»	77
«Половина четвёртого. Не пора ли	79

в небытие?...»	
«Жизнь, как жизнь, мужчины – люди...»	80
«Москва. Станция метро «Пражская...»	81
«Комната. Теплый свет...»	83
«Упокой, Господи, души усопших, но верных Твоих рабов...»	84
«Если б глаза – не глазки...»	85
«Нью-Йорк – как много в этом слове...»	86
Вавилонская башня	87
«Утро. Деревня. Я выхожу во двор...»	90
Ирина Кульджанова	92
Наша служба и опасна и трудна	93
Ах, эти ночи в стране грёз...	97
Владимир Платонов	104
Панацея от жизни	105
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Девять Жизней

За час до полудня

Редактор Валентина Спирина

Корректор Валентина Спирина

Дизайнер обложки Валентина Спирина

© Валентина Спирина, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4493-3242-4

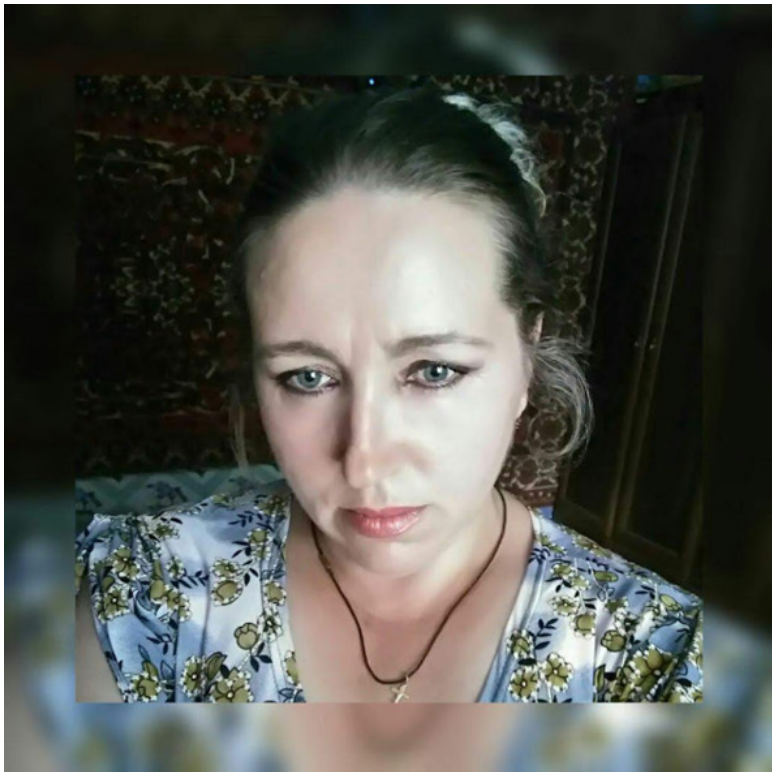
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Все произведения и фотографии в сборнике изданы с согласия авторов, защищены законом Российской Федерации «Об авторском праве» и напечатаны в авторской редакции.

Материалы для обложки взяты с сайта pixabay.com

Валентина Иванова (Спирина)

Россия – Касимов

Маленькие города

В маленьком городе с красивыми пейзажами как-то трудно,

Поэтому приходится домысливать, додумывать, фантазировать.

Знаете, как выглядит в провинциальном городе обычное утро?

Как платье старинное, дорогое, лет двести назад, а теперь – с дырами.

В свете лучей оно выглядит ещё вполне привлекательно, И толстый слой пыли не виден, пока ты её не касаешься. Но первый же ветра порыв разбудит сонный мир этот окончательно,

И пылинки взлетают алмазными блесками, а ты чихаешь и маешься.

Рядом с домами многоэтажными сектор частный живет со своими правилами,

Петухи-будильники поют по часам, заливаются, кукарекают,

Это где-то, в другом измерении, жизнь другая и происходит всё самое главное,

А в маленьких городах, свой мир со своими жителями-человеками.

А вечер, знаете, как выглядит у нас, в городской провинции?

Да точно так же, как утро – выбрось часы и разницы не заметишь,

Здесь время остановилось, здесь собственный мир со своими границами,

Словно старый художник нанёс и смыть забыл, так и засохла ретушь.

Идиллия утра

Солнце скользит по берёзовым веткам-рукам,
Тёплым дыханием листья зелёные гладит,
Луч по стволу опустился к корням-ногам,
Распустила красавица бело-зелёные пряди.

Ветер-проказник в траву на секунду прилёг,
Затих и не дышит, но как же покой обманчив,
Тут же сорвался с места и как озорной щенок,
Вот уже в поле с ромашками прыгает, скачет.

Идиллия утра – хрусталь в каждой капле росы,
Столик уютный, из ротанга плетёное кресло,
Время застыло, не тикают больше часы,
С душицею чай, да шальной соловей-маэстро.

Шоколадом небо...

Шоколадом залипло, застыло небо перед грозой,
Пеной крепкого каппучино вздыбились нахальные тучи,
И воздух с пряным озоном – вкусный такой,
Что, кажется, нет ничего сейчас во всем мире лучше.

Два дерева рядом стоят, друг к другу прижались,
Ветками, как руками, сплелись – держатся.
Макушкам зелёными поддерживают провода из стали,
Гроза же пройдет, а они останутся и будут нежиться.

И вот рухнула, взорвалась плотина небесная,
Вниз, на землю потоки воды ледяной хлынули,
Белые гребни на волнах реки – как фата невесты,
Да всполохи молний с запахами горько-полынными.

Мать-природа бушует, остервенело, дико и грозно,
Словно всем вокруг доказать хочет, мол, я тут главная,
А гроза уже успокоилась и небо такое нежно-розовое,
И утро нового дня встречает жизнь распахнутыми ставнями.

Жара

Вечер за окнами полз на горячих лапах,
На раскалённый асфальт, попадая, шипел,
И от ожогов он дождиком мелким плакал,
Вечер в прохладную ночь превратиться хотел.

Сверху, как сыр, половинка луны свисала,
Ей было жалко, до слёз, на страданья глядеть,
Звала темноту, даже тучи за ворот хватала...
А вечер повис на заборе, как старая плеть.

Услышало сонное небо мольбу о прохладе,
И с севера ветер на помощь внезапно пришел,
Попрятались звёзды, луна в антрацитовый вате,
И мягкий от зноя асфальт прошептал: «Хорошооо»...

Лифт

Однажды лифт на сотом этаже
Себя с воздушным замком саллегорил,
Он видел даже женщин в неглиже
И тайны сохранить в себе позволил.

Он так устал, он слишком долго жил,
Десятки тонн различных самых грузов,
Людей и мебель, и потоки лжи,
И пьяных мужиков с огромным пузом.

И думал лифт: «Ведь, замку я сродни,
То в облаках, как призрачное счастье,
То камнем вниз – там кто-то позвонил,
Как будто, утонув в огромной пасти».

И сквозь окно глядел на звёзды лифт,
Мечтал по крыше погулять немножко,
Но кнопок разноцветные огни,
Ему пищали: «Ты же лифт! Не кошка!

Вот твой туннель, и тянет тебя трос,
Живёшь, пока по проводочкам-венам,
Электроток бежит, как паровоз,
Но глянь вокруг тебя какие стены!»

Вот так и замок, что воздушный твой,
Хоть в облаках парит, но знаем точно —
Как высоко бы не взлетел, порой —
Мечта любая под собой имеет почву.

Немножко про Смерть

У ворот на кладбище сидит,
За глухим укрывшись капюшоном,
Девушка, на вид лет двадцати,
И лицо мне кажется знакомым.
– Можно? Я присела рядом с ней.
– Да садись... Коль, смерти не боишься.
У тебя в запасе пару дней,
Да и день второй.. Он, явно, лишний.
У меня, на миг, пропала речь,
Руки онемели и замёрзли.
Захотелось просто молча лечь,
И уснуть под шум листвы берёзы.
– Смерть? Моя? Ты здесь? Ты ждешь меня?
Ты пришла за мной? – она молчала.
Только низко голову склоня,
Капюшоном медленно кивала.
– Но зачем? И кто же так решил?
Я же молода, вполне здорова!
Блин.. Прошу.. Послушай! Не спеши!
Да и умирать я не готова!
Повернулась Смерть ко мне лицом,
Чёрные глазницы смотрят хмуро:
– Ты вчера поссорилась с отцом,
Маме сгоряча сказала «дура»
А потом ушла из дома прочь,

Всех ругая, ничего не видя.
Ты не обернулась, слыша «доооочь!»
Ты зачем родителей обидела?
А потом вы пили до утра,
Дым столбом, случайные мужчины,
Вот я и подумала «пора!» —
Очень даже веские причины.
Ты сама не хочешь просто жить,
Радоваться жизни не умеешь,
Видишь на своей ладони нить?
Тонкая. И с каждым днем слабее.
Вот сегодня-завтра пропадет
Ниточка, что связывает с жизнью.
А я здесь, с тобою, у ворот.
Кстати, заказала тебе Тризну.
Слушала её и пот ручьем,
По спине моей бежал упрямо,
А потом вдруг стало горячо,
И я дико закричала.. «Маааамааааа!»
И очнулась. В доме тишина,
Только шёпот: «Доченька очнулась...»
– Мама... Мамочка.. Ты очень мне нужна!
Мамочка, прости меня за глупость...
Милые родители мои,
Дочь свою, пожалуйста, простите,
Долгими пусть будут ваши дни,
Каждый миг и каждый час цените.
В комнате темно. Мелькнула тень..
Смерть в углу стояла, улыбаясь.

– Ай, живи пока. Возиться лень...
Ухожу. Но помни – не прощаюсь.
На ладони нить – твой тайный знак,
Обещай, что будешь помнить твёрдо,
Если что-то, вдруг, пойдет не так,
Я вернусь к тебе из царства мёртвых.

Доброй ночи...

Мне ночь шептала – проходи, ложись,
Глаза закрой и наслаждайся негой.
Твой сладкий сон – твоя вторая жизнь,
Подушка – облако и покрывало – небо.

Ночь прятала меня от света звёзд,
Задвинула все шторы в моём доме,
А лежу и думаю всерьёз,
Что жизнь во сне проходит, словно в коме.

Не оставляет ночь следов своих,
Мне темнота покоя не приносит.
Вот нужно спать, а я пишу стихи.
Душа не спит. Душа свободы просит.

Доченьке

Я стихов для детей никогда не писала,
И сегодня, впервые пишу.
Но уверена, ты же всегда понимала,
Что я вами живу и дышу.

Моя самая старшая дочка Алёнка,
Тёплый, яркий солнечный свет,
От момента рождения, с первых пелёнок,
И на всем протяжении лет.

Помню, сказки тебе я когда-то читала,
Рисовать мы учились читать,
Помню, первое слово «папа» сказала,
Помню, как начала ты вставать.

Помню, как не любила ходить ты в садик,
Как кричала – «Хочу домой»!
Как просила тебя я – «Бога ради,
ты же знаешь, что я с тобой».

Помню каждый твой первый шаг и победы,
И храню твою прядь волос.
Помню, как с папой упали с велосипеда,
Как тебя он домой привёз.

Как ты плакала: – «Мама! Ведь мы же упали!
Прямо в лужу! Я грязная вся!»
А потом много лет мы над этим смеялись,
Ибо, плакать же вечно нельзя.

Помню всё. Как учили стихи и уроки.
Или как не учили совсем.
Как мы вместе с тобой покоряли пороги
Каждодневных обычных проблем.

Ты росла, становилась умнее и краше,
С каждым часом, минутой, днём.
Дочка. Леночка. Милая наша.
Мы с тобой одним вздохом живём.

Далеко мы, но разве имеет значение,
Расстояние, если душой,
Я с тобою. И это стихотворение
Я пишу одним сердцем с тобой.

Чувствую

Я говорила сотню тысяч раз —
Мне чувства проще выразить стихами,
Чем объяснять простые истины словами,
Я не умею отвечать лишь парой фраз.

Я не могу придумывать эмоции,
Я напишу, скажу, всё то, что есть внутри,
Ведь всё, что нравится, во мне огнем горит,
Я не раскладываю всю себя на опции.

И если не понравится – скажу,
Молчать не буду. Притворяться тоже.
Я чувствую душою, сердцем, кожей.
Я через чувства воздухом дышу.

Путешествие

Я мечтаю однажды проехаться
По России огромной моей,
Путь железной дороги вертится
В хороводе февральских дней.

Для начала на старом автобусе
Я приеду в столицу страны.
И Москва на моем личном глобусе
Яркой былью ворвётся в сны.

Дальше, «Красной Стрелой» до Питера,
Здравствуй, Смольный. Привет, Эрмитаж.
Невский берег, ногами вытертый,
Может, ты, отдохнуть мне дашь?

Дальше я от вокзала Ладожского
Сяду в поезд, идущий в Курск.
Вспомнив битвы с ордами вражескими,
За погибших в душе помолюсь.

Снова поезд, стакан в подстаканнике,
Самоварная Тула, мчусь.
Оружейник в промасленном фартуке
Сотни лет сохраняет Русь.

Полторы тыщи вёрст на поезде,
Город воинской славы страны.
Севастополь – ты в вечной повести,
Твой народ и твои сыны.

И опять поезд мчит, качается
Вереницей железных дорог.
Там где солнце для нас начинается,
Здравствуй, город Владивосток.

Если, правда, вот так проехаться,
Сквозь десяток границ часовых,
Мне, наверно, не хватит месяца,
Я за час написала стих.

На переходе...

На светофоре бабушка замешкалась,
Тяжёлых сумок не смогла поднять,
Водители сигналият, стали нервничать:
– Ну сколько можно тебя, бабка, ждать!

И лишь один водитель, не ругается,
Он молча вышел, сумки её взял.
– Я помогу, – сказал и улыбается.
– Куда идёшь-то?
– Мне бы на вокзал...

Открыл мужчина двери внедорожника,
– Ты, мать, садись, доедем с ветерком.
Бабуля села очень остороженько,
Мужчина, ведь, совсем ей незнаком.

Доехали. И, стоя у вокзала,
Бабуля рыться в сумках начала.
– Ну вот! Нашла! Платочек развязала
И денежки мужчине подала.

В ответ мужчина только улыбнулся,
– Не денег ради я тебе помог.
А бабушка в ответ:
– Пускай вернутся,

Твои дела двойным добром, сынок.

Письмо себе из будущего

Привет, Валюшка, я тебе пишу, из года аж две тысячи тридцатого.

Смешно сказать – в противогаз дышу, не всем хватает воздуха проклятого.

Ты представляешь, кончились леса и наши все мещерские трущобы.

Над голой степью птичьи голоса звучат, как поминальный звон над гробом.

Ты представляешь, ты ещё жива, здоровья нет и выпали все зубы.

А твоя, лысая теперь уж голова, блестит на солнце, словно таз соседки Любы.

Да, птицы есть, но странные они, две головы, два клюва, восемь крыльев.

Да и поют не так уже они, как старый клавесин, покрытый пылью.

Вчера медведь по городу ходил, облез совсем от химии бедняга.

В пруду, за домом нашим, крокодил, но мелкий очень, ну его, салага.

Ах, да. А дома нет уже давно, снесли и там теперь завод какой-то.

А вас переселили в странный дом, похож он на остатки самолета.

Но всё фигня, ведь для тебя важней, что у детей твоих

сложилось лучше,

Аленка старшая в Карелии своей, живет с ребёнком и, конечно, мужем.

А Женечка, закончив институт, уехала на космодром Восточный.

Её Антона, вроде бы в Китай зовут, но этого, увы, не знаю точно.

Твой Фёдор, молодец, спортсменом стал. Он мира чемпион, олимпиады.

Он столько раз тебя с собою звал, а ты не едешь, говоришь – не надо.

Про мужа ты хотела бы спросить, а он всё так-же, лежа на диване,

Как пиво пил, так продолжает пить. Он вечно молодой и вечно пьяный.

Сказать забыла – городов уж нет, кругом одна Москва, большая очень.

И вся страна – один большой скелет. И не понять где сердце, печень, почки.

Ты там консервы больше запасай, пусть не на сотню лет, но хоть на двадцать.

И если можешь, лучше уезжай, потом уж поздно будет вам спастись.

Вариации на тему Черного Квадрата

– Он был сине-зелёно-красным,
С позолоченно-пошлым кантом...
– Да... в лиловых разводах грязных,
Серебро и нить аксельбанта.

– Да ты бредишь! Придумал тоже!
Там лицо юной девы было.
– Не лицо там было, а рожа!
Той, которая не любила.

– Блин, ребята, курить бросайте!
Или мне своего отсыпьте.
Был цветок на мокром асфальте,
И обломок облезшей кисти.

– Ну ты выдал. Цветок-то откуда?
Да ещё, сквозь асфальт. Нелепо!
– А ты, что же, не веришь в чудо?
И твой максимум – сказка про репу?

– Хватит спорить! Смотрите глубже,
Там, за чёрным квадратным фоном,
Солнце тонет в холодной луже,
Ледяным покрываясь узором.

– Дааа... Вот это вас прёт, ребята...
Как фантазия ваша плещет...
Он был просто чёрным квадратом.
С миллионом морщин и трещин.

Максим Бурдин

Россия – Кострома

Прозаик. Поэт. Издатель. Литературный критик. Главный редактор энциклопедии «Писатели русского мира:

XXI век» и антологии «Литературная Евразия». Родился в 1987 году в Костроме. Учился в Литературном институте им. Горького. Работал корреспондентом «Литературной Газеты», вел авторскую рубрику в газете «Литературная Россия».

Печатался в журналах «Лехаим», «Литературный Иерусалим», «Девушка с веслом», «Шестое чувство», «Литературная учеба», «Сибирские огни», «Лампа и дымоход», «Clatch», «Акценты», «Окно», в альманахе российско-азербайджанской прозы «В зеркалах», в «Петербургской газете», в «Московском Комсомольце».

Стихи включены в третий том антологии «Золотые стихотворцы Рунета».

Финалист премии «Неформат» в номинации «малая проза». Как прозаик в 2012 году был номинирован на соискание премии им. В. П. Астафьева.

Входил в состав жюри нескольких литературных премий.

Марии Бурдиной

Ты писала этюды на берегу ручья.
В них Господь Саваоф притворился седой горой.
Дух Святой в них неслышно траву качал
И надмирный Логос царствовал над водой.

Волновалось всё: дуб, берёзы, кустарник – лес.
И ручей, волнуясь, брызги к ветвям бросал.
В глубине пейзажа незримо Христос воскрес
И плакучей ивой тянется к небесам.

А со дна ручья русалки глядят сквозь зыбь:
Богоматерь, склонившись, тёмной взяла воды,
Чтоб самой напиться и жаждущих напоить
Несвятой водой, которую пишешь ты.

В глубине картины Бог из ручья вставал
И ходил по лесу охая, словно гром.
Замолчали птицы, но шумом пошла трава,
И вздыхали сосны тяжело да ни о ком.

Ты писала этюды, но Бог написал тебя:
У ручья, босая, ты кистью ласкаешь холст,
От касаний кисти на ткани играет рябь
И рисунок Божий вечен, красив и прост.

Деду

Помню, в детстве, дед мне часто говаривал:

«Сколько от жизни ни возмёмшь, всё не твоё»

Дед смотрел на меня с улыбкой, но во взгляде играло зарево:

залпы орудий, вспышки прожекторов, пулемёт...

Дед носил старую шинель, курил «Родопи»,
иногда самокрутки, свёрнутые из газетной бумаги.

В молодости мой дед побывал в Европе,
видел, как Знамя Победы наши подняли на Рейхстаге.

Дед бежал из дому на фронт, когда ему и четырнадцати
не было.

Юность его, выходит, без остатка Отчизне отдана.

Говорил: «Знатное дело, война, только не очень
хлебное».

«Дошли, говорит, до Берлина, жаль, не дошли
до Лондона».

В детстве мы часто собирались в его комнате;
дед поднимался с печи, кряхтел, почёсывал бороду.

Говорил: «Как бы не повернулось, внуки, всегда помните:
жизнь берегут со старости, честь – смолоду.

Живу я, внуки, давно, повидать успел всякого.

Трус умирает дважды, в бою победит смелый.
Чувствуешь, сердечко со страху брякнуло?
Первый шаг к могиле ты сделал.

Дурак сидит в окопе, умный всегда в бою.
Бог презирает трусов и бьет предателей.
Пошёл воевать? Так не сиди, воюй,
либо, простите внуки, иди ты к ядрёной матери.

На фронте сразу видно, кто воин, а кто подлец.
Сторонитесь последних, чтоб оставаться первыми.
Помните: пуля – дура, и тот молодец,
кто под пулями смог совладать с нервами».

Вернувшись с фронта, дед женился, работал токарем.
Был невысок ростом, сухощав, в плечах узким.
Он еще говорил с таким сладкоголосым оканьем...
От деда пахло избой, махоркой и чем-то русским.

Крым

Русские просторы
крымская земля,
и леса, и горы
радуют меня.

Солнечные дали
тайнами полны.
Крым горит медалью
на груди страны.

В небе на Ай-Петри
воздух, как елей.
Голос наших предков
слышен из камней.

Севастополь, Ялта
Херсонес, Гурзуф;
парусники, яхты,
облака ползут.

Моря кубок синий
и небес покров;
где-то между ними
плавает любовь.

Мыс Феодосийский,
как из камня – пёс.
Часть родной России
я с собой унёс.

Блок и Айвазовский
Чехов, Горький, Грин,
Бунин, Маяковский
приезжали в Крым.

На базарах людно
толпами народ,
даже Чудо-юдо
кто-то отдаёт.

Крымский климат ласков
не был здесь – не жил.
Тут писал Некрасов,
Лев Толстой служил.

Где-то в летнем парке
продают вино.
Здесь бывает жарко,
но всегда – тепло.

1918

I

Ольга, Татьяна, Маша, Анастасия,
я перед вами каюсь за всю Россию
и, на коленях стоя, молюсь часами.
Рядом со мной впритирку стоят другие —
мы говорим невпопад, но русскими голосами
о том, что беда случилась под небесами.

II

Ольга, Мария, Настенька и Татьяна,
место, где вас убили давно поросло бурьяном.
Над домом купца вороны страшно и зло сгустились.
Убийцы, дрожа трусливо, сжимали в руках наганы.
«За что нас?» – глядя в глаза, вы кротко у них спросили.
За вашу невинность, девушки, и за любовь к России.

III

Мария, Анастасия, Танечка, Ольга
о вас, мои дорогие, мы вспоминаем с болью.
Святые Княжны убитые – четыре стороны света,
величина Империи, размерами с треть планеты.
Земля, по которой ходим, пропитана вашей кровью.
Вы нас простите, милые, за то далекое лето.

IV

Мария, Анастасия, Татьяна, Оленька,
Господа за Россию вы неустанно молитесь.
Вновь времена беспокойные: брат убивает брата,
видно, часы истории перевели обратно.
Вы помолитесь, девушки, чтоб обошло нас горе,
чтобы смогла Россия крови очистить пятна.

Третий Рим

Россия. Далекий век
Толпа у монастырских врат.
Слух идет, что повержен грек,
Византийской империи нет,
говорят: разорен Царь-град.

Неспокойно. Чего-то ждут
Молятся, ломают шапки,
плачут, охают, стонут. Тут
затишают вдруг все вокруг:
к людям старец выходит шаткий.

Тяжела кривизна бровей
бороды седина горит:
среди толпы старец всех белей.
Он стоит, и для всех людей
слово долгое говорит:

«Братья, сестры, простите мне
все худые мои дела.
Вам известно, что Мать в огне,
турки выжгли ее дотла.

Враг не дремлет. Ликует бес
За грехи попустил Господь...

В том бою был убит василевс.
Православия рухнул оплот.

Среди вас я живу давно
и мои сочтены года.
Под собой я не чую ног,
но имею от Бога дар

видеть, что не дано другим...
Бог послал меня передать,
что Россия есть третий Рим,
а Четвертому не бывать.

Верьте: Русь оживет в бою!
С Богородицей, со Христом
умножайте любовь свою.
Победим не мечом – крестом».

Бог идет по земле

Бог идет по земле
откровеньем дыша,
чтоб в тебе и во мне
просыпалась душа.

Его пальцы в мозолях
ноги стоптаны в кровь.
Он объятья раскроет,
источая Любовь.

Бог идёт по земле
через грязь, через снег,
чтоб в тебе и во мне
оживал Человек.

Его тело поникло
усталость в лице,
режут голову иглы
на терновом венце.

Через зной, через ветер
через степи, моря,
Бог идёт к своим детям,
не жалея себя.

Его кожа иссохла
раны жгут и саднят.
А по курсу Голгофы
кровоточит заря.

Через зной, через ветер
до скончания дней
Бог идет по планете,
ищет людей.

«У реки, когда солнце печёт вовсю...»

У реки, когда солнце печёт вовсю
у реки берега наводняет тень,
там в тени я сыграю тебе ноктюрн
из созвучия наших тел.

Твое тело – флейта. Касанье губ
воскрешает музыку, дрожь основ.
Мне с тобой упасть бы куда-нибудь,
чтобы к небу от нас вознеслась любовь.

И лежать бы рядом в сырой траве
на тебя, не глядя, смотреть вовсю:
на щеках веснушек цветёт букет
и на шее родинки, как изюм.

И на время у лилий заняв одежд
говорить и думать бы о простом —
из воды, в пейзаже скрывая брешь,
нам Господь вдруг рыбьим мигнет хвостом.

«Никогда, ты слышишь, никогда не спрашивай...»

Никогда, ты слышишь, никогда не спрашивай
сколько Господом Богом тебе отмерено
времени. Веди счёт не на года, а каждое
вынашивай и лелей мгновение.

Просыпаясь, помни, что перед сном
ты расстаёшься со всем, что нажил
с тех пор, как проснулся. И на ночном
небе звезда не знает твоей пропажи.

Не спрашивай, ты слышишь, никогда не спрашивай
зачем не стоптал ты своих сапог.
Не стой на месте – иди, изнашивай,
упал – поднимись, чтобы сказать «я смог».

Верно, верно говорили древние
что ужас гусеницы – мотылька крылья,
о том, что последние станут первыми,
и будь столпом, чтобы не слыть пылью.

Никогда, – слышишь ли? – никогда не спрашивай
у ветра верности, у солнца – влаги.
В письмах домой никогда не указывай

обратного адреса, чтоб не марасть бумаги.

Иди, не оборачивайся даже в случае
когда вот-вот и сдадут нервы.

Господь дал лилиям одежды лучшие,
но помни: с шипами остались тернии.

«За городом неба больше и облака ближе...»

За городом неба больше и облака ближе.
Если выбежать из дому, тут же в траве утонешь.
И плывешь себе на спине, а весь мир вокруг – рыжий,
бородатое солнце щекочет твои ладони.

Если встать в полный рост, макушкой коснешься неба;
ты теперь такой важный – в шапке из облаков.
Горизонт расступился, открывая места, где ты не был,
и повсюду, насколько хватает глаз – Любовь.

Ты видишь пашни, лужайки, лес, кладбище, храм,
деревню.

Воздух, пронизанный солнцем, движется, как живой.
По облакам кто-то ходит, кто-то красивый, древний,
его мягкую поступь ты слышишь прямо над головой.

У тебя есть руки, ноги, а могли бы вырасти крылья.
Если б выросли, ты бы, уж точно, нашёл куда слетать.
Ведь так много мест, которых тебе не открыли
люди, пытавшиеся об этих местах рассказать.

И сам ты об этих местах рассказать не сможешь —
Правда сама приходит, стучится в дверь,

светом солнечным просачивается в окошко,
облаком любви материнской раскачивает колыбель.

Ты плывёшь себе на спине, держишь во рту травинку,
бородатое солнце тянет за горизонт.

Хочется встать в полный рост, в тёплое небо кинуть
сердце свое трепещущее и – колокольный звон.

«Селёдка в масле. Луковица. Век...»

Селёдка в масле. Луковица. Век
Считая дни с зарплаты до зарплаты,
Ты обретаешь стимул, человек,
Для честной жизни, пусть и не небогатой.

Кто над богатством чахнет, тот – дурак,
Ведь в рационе у него не будет
Селёдки в масле, луковицы... Так
Живут простые, знающие люди.

«Где бомж собирает объедки...»

Где бомж собирает объедки
В объёмную сумку свою,
Занюхав чекушку конфеткой,
Я Родину нежно люблю.

И сладок мне дым подворотен,
Приятен мне запах дворов.
Здесь каждый во взглядах свободен
И каждый идейно здоров.

Колодцы, ГК, теплотрассы —
Основа могучей страны.
Здесь гонят взашей педерастов,
Ведь нравственным нормам верны,

С Центральной России, с Урала
И дальше – на Дальний Восток.
Не ступит нога либерала
В их светлый, державный чертог.

Пусть быт их опасен и труден,
Лишенных домов и квартир,
Бомжи – уникальные люди
И правильно смотрят на мир.

«Я часто представляю: ты стоишь...»

Я часто представляю: ты стоишь
на улице одна, и одиноко
взираешь на часы. С железных крыш
стекает ночь по венам водостока.

Жизнь наскоро умолкла. Фонари
свой свет роняют пред иконостасом
домов бетонных. Пусть тебя хранит
холодный бог земных цивилизаций.

Ты чуть одета. Пасмурно. Октябрь.
Простужено дрожишь. Снуют машины,
и из кабин мир смотрит на тебя
доброжелательно, участливо, фальшиво.

Не верь мужчинам, ночи, свету фар
и октябрю не верь... Но где-то в небе
смеющейся звездой мерцает март
настойчиво, тепло и благолепно.

«Если ты заснул в халате...»

Если ты заснул в халате,
Даже на своей кровати,
Ты – сомнительная личность
И пропащий гражданин.
Потому что остальные
Спят в трусах и без. И ныне,
Человек от всех отличный,
В общем, ты такой один.

Если ты заснул в халате
Не в своей, в чужой кровати,
Это будет нарушение
Норм привычных бытия.
Холостой или женатый,
Выпивший, слегка поддатый,
Всё не важно – нет прощенья
У кого-то для тебя.

«Зашторив окна, чтоб уйти от света...»

Зашторив окна, чтоб уйти от света,
дита ночей бесстыдных и бессонных,
вот ты сидишь, и куришь сигареты,
и создаешь губами невесомость.

Вот ты сидишь, родительница дыма,
и разрушаешь ясность и пространство.
Тебе не стыдно? Нет, тебе не стыдно.
В тебе стыда, наверно, не осталось.

Как бесполезны сонные движения
надменных губ, стареющих и блёклых...
А ты сидишь, как тать, согнувши шею,
сидишь и куришь, куришь сигареты.

Вольное переложение Псалтыри, псалом 27

Господи, не молчи:
Слово Твоё есть Жизнь.
Мысли мои в ночи
снова стремятся ввысь.

Господи, сохрани
от лицемеров, от
тех, кто давно охрип,
ложью запачкав рот.

Верю, не ровен час,
Бог покарает всех,
кто не смотрел анфас
в этот бесстыдный век.

Кто не подал руки,
Боже, Тебе в ответ,
тот навсегда поник,
так как не встал на твердь.

Благословен Господь,
крепость моя и щит.
Бог да хранит народ

свой. А меня – простит.

«Будь моим цветом, запахом, прекрасным днём...»

Будь моим цветом, запахом, прекрасным днём;
никогда не произноси вслух чужих имён.
Не коси под Мону Лизу – какая пошлость.
Мне должно казаться, что я влюблён,
по-крайней мере, до тех времён,
пока мы не попали в другую плоскость.

Будь моим временем – стрелкой часов тугой;
никогда не произноси вслух, что я – другой.
Забудь все бренды: «Дольче Габбанна», «Коко Шанель».
Я хочу часто видеть тебя нагой
в плоскости, где любовь правит тобой и мной,
где, как на алтарь, мы ложимся с тобой в постель.

Будь моим вдохом, выдохом, воздухом... Но никогда,
meine Liebe, не произноси вслух, что это не навсегда.
Давай хотя бы на ночь притворимся женой и мужем?
Просто потому, что человеку свойственно иногда
сознавать, что проходит время, идут года,
а он до сих пор совсем никому не нужен.

Феодосия

Феодосийский берег. По правую руку – мыс,
словно каменный пёс улёгся среди воды.
Я сижу на песке, в небеса отпуская простую мысль
о том, что Господь и дьявол играют 1:1.

Генуэзская крепость – останки былых эпох.
У подножия этих стен никогда не звучало избитых фраз,
потому что веками правит не человек, а Бог,
безграничный, как море – насколько хватает нас.

Бог спокоен, как море, но дьявол берет своё
и эпоха сменяет эпоху в движеньи дней.
Я взобрался на гору, слышу в чаще лесной поёт,
может чёрт, может ангел, а может быть – соловей.

И отсюда мне виден город, его дома;
переулки впадают в улицы. Как во сне
наползает на город бледный морской туман,
так эпоха сменяет эпоху в движеньи дней.

Только древняя церковь у моря видна с горы,
под покровом своих ладоней Матерь Божья её хранит.
Ты однажды пришел сюда, ты пришёл и про всё забыл,
это значит, теперь ты можешь что-то важное изменить.

Николаю II

Святой Николае, батюшка-царь,
ты для России хранителем стал.
Если Держава будет в беде,
мы обратимся с молитвой к тебе.

Помнишь ли бойню, гражданскую сечь?
Мы не смогли от врагов уберечь
нашу страну. Не унять эту боль —
Русь убивали вместе с тобой.

Святой Николае, угодник Христов,
мы пожалели об этом раз сто.
Слёзы народа впитала земля —
пытки, расстрелы, концлагеря.

Помнишь, как древние колокола,
зверски беснуясь, сбивала толпа?
Жгли образа и срывали кресты,
царь-страстотерпец, помнишь ли ты?

Святой Николае, ты, как Христос,
за русский народ наказание понес.
С кротостью принял гоненья, расстрел,
царь, убиенный на русской земле.

Помнишь события Второй Мировой?
Нас распинали вместе с тобой...
Так был наказан безбожный народ
за девятьсот восемнадцатый год.

Святой Николае, сплю и молюсь,
чтобы воскресла Великая Русь.
Если Россия будет в беде,
мы обратимся с молитвой к тебе.

Люберцы

На юге столицы, вернее будет сказать, в области,
находится город, который называется Люберцы;
к нему ведут прямые дороги, – ни горы тебе, ни
пропасти, —
если ты оказался здесь, в тебя сразу же кто-то влюбится.

Не имеет значения плохой ты, хороший, хромой ли,
убогий, просто – скучный:
местные жители влюбляются автоматом во всех
и в каждого,
потому что в городе с таким именем невозможно быть
равнодушным
к пришедшим, приезжим, прибывшим (не важно откуда)
гражданам.

Здесь живут люди самых разных национальностей
и оттенков кожи.
Чтобы увидеть африканку, можно просто перейти
на соседнюю улицу,
свернуть в переулок, заглянуть в магазин... и что же?
Настоящая африканка отмеряет на весах полкилограмма
курицы!

В павильоне напротив улыбчивый сириец продает
арабскую шаурму.

Если попросить, он расскажет тебе сказку не хуже, чем Шахеризада,
о белом песке и о звездном сирийском небе, где поутру
золотые облака утекают вдаль, и другого неба ни тебе, ни
ему не надо...

Гуляя по Люберцам можно услышать вдруг:
«Гамарджоба!»*

Подходи, дорогой! Помидор, огурец, картошка, сладкий
редис!

Мой мама сажал специально для тебя овощ много...

Подходи, дорогой, попробуй! Э, куда же ты, слушай...
Нахвамдис!**»

Однажды, пролетая над подмосковьем, растяпа-ангел
обронил свой нимб,

и на месте падения вырос город: парки, здания,
перекрестки, проспекты улицы.

Лафонтен говорил: все дороги приводят в Рим.

Лафонтен был неправ: все дороги приводят Люберцы.

*Гамарджоба – грузинское приветствие.

**Нахвамдис – в переводе с грузинского
«До свиданья»

«Не то, чтобы под луной или под небом звёздным...»

Не то, чтобы под луной или под небом звёздным,
можно не на лугу, не на опушке леса,
и не в густой траве, где бабочки и стрекозы
слушают, как кузнечики поют им земли песню,

не опалённые солнцем, кружащим над горами,
лучи свои распуская, словно лилии – чаши,
лиловой волной не омытые, что целый день играет
с белым (конечно, белым) песком всё чаще,

не впитавшие ветра, кокетливого, как южанка,
тёплого ветра, ласкающего смуглую эту кожу
той, что на диком пляже лежит, прижавшись
спиною к солнцу или к тебе, быть может,

не говорившие с эхом холмов изумрудно-рыжих —
голос Хлорис цветущий царствует между ними,
и потому любые слова здесь всегда излишни,
даже, когда вдруг скажешь шёпотом чьё-то имя, —

не уходящие в вечер, за руки взявшись нежно,
на городских бульварах вальсы не танцевавши,
люди, свои тела скрывшие под одеждой,

просто проснитесь вместе (утром вдвоем) однажды.

Русалка

I

В коралловом краю горизонтальных вод,
где плавают седые рыбы, рыбы,
где рыбы плавают серебряных пород,
мы под водой ходить с тобой могли бы.

Ты видишь, наг и дик смеющийся ручей,
несущийся, как плеть, по гриве камня,
и, слышишь, языка качается качель,
спеша сказать тебе о самом главном.

В зеркальной чаше дня у каменной руды,
где плавают седые рыбы, рыбы,
на солнечном песке оставивши следы,
мы под водой дышать с тобой могли бы.

II

Во сне я видел гладь реки,
и ты по берегу гуляла,
и на воде ты рисовала
цветы движением руки.

А я стоял в тени, и тень
о чем-то важном мне шептала.

Ты шла. Любила и дышала,
смеялась и рождала день.

III

В пресной чаше речной воды
отражается чешуей
солнца луч, и играешь ты
обнаженная под водой.

Слышишь узниц-сорог напев
и ракушечьи голоса,
а со дна из созвездья трэф
звезды выпучили глаза.

Ил и камни – твоя постель,
а вверху над тобой хрусталь.
В окружении рыбьих тел
ты безжалостна и чиста.

IV

Летний день. Цветочный сад.
Шум реки. Люби, душа!
Если посмотреть назад,
жизнь легка и хороша.

Скрип весла и плеск воды,
и улыбка мотылька.

Там со мной сидела ты,
поцелуй держа в руках.

Это было, как во сне:
вот вода у самых ног,
и играет на воде
озорной цветочный бог.

Мы сидели там вдвоем,
слыша пение наяд.
Ты текла ко мне ручьем
и приковывала взгляд.

Симург

Симург расправляет крылья – земля дрожит.
Сейчас он поднимется в небо, скроется в облаках.
Если ты оказался под Древом Жизни – ты будешь жить,
жизнь бывает горькой, сладкой, и это в твоих руках.

Симург – не ворона, не галка, он – Царь всех птиц,
когда он пролетает над миром, тут же проходит ночь.
Симург, златоокий, имеет множество разных лиц,
он летит в небесах, взмахом крыльев вращая земную ось.

От начала мира на Древе Жизни он сделал себе гнездо.
Перед смертью Симург сгорает, вселенной даруя жар.
Ты в тени его крыл, а значит, тебе повезло:
твоё сердце не выклевать, сколько его ни жаль.

Колыбельная

Спите сладко, спите дети,
ведь у спящих нет проблем,
когда сон хранят ракеты
комплекса «Искандер-М».

«За что я Родину люблю?..»

За что я Родину люблю?
Её поля, леса, равнины,
её легенды и былины,
ноябрь, январь, апрель, июль?

Как не застыть на рубеже
недостижимого далёко
и, взглядом проникая в окна,
найти изюминку в клеше?

Блажен, кто бережно хранит
среди бумаг и книжной пыли
в необустроенной квартире
историю своей страны.

Блажен, кто счёт ведёт векам,
кому знаком ландшафт, детали
обратной стороны медали,
кто не трещит по пустякам.

Блаженны те, кто не предал
тебя, Великая Россия,
на сердце начертав курсивом,
что Родины другой не знал.

Ода лампочке

Электрическая лампочка, о владычица всей Земли,
о немеркнущая лампочка, ты – свет миру, огонь эпох;
вот неспящий ждёт, когда снова войдёшь в зенит,
о благая, прими от подстанций электротоков.

Электрическая лампочка, повелительница квартир,
о божественная лампочка, тебя не объёмлет тьма.
Озаряй собою мой рукотворный мир,
о негаснущая лампочка, ты сводишь меня с ума.

О прекраснейшая лампочка, ты, как солнце питаешь
жизнь,
глубоко ушла корнями в электросеть,
потолка величье, неуклонно стремишься вниз,
утверждая повсюду догму: да будет свет.

Жизнь и чудеса святого Спиридона Тримифунтского, Глава 1

Когда-то давным-давно, когда планета была совершенно узкой (не яйцом, как теперь, а в форме огромной устрицы) жил-был человек по имени Спиридон Тримифунтский на острове Кипр. Жил себе, пас овец, в сандалиях ходил по улице.

Простым человеком был Спиридон, таким же, как все, в общем-то: по утрам просыпался, работал, ночью ложился спать, любил жену, дочь, детей, а помимо прочего творил чудеса такие, что словами не передать.

Была на Кипре жара, зной, голод, в общем, ужасная засуха.

Земля растрескалась так, что в трещинах можно было пошарить пальцами.

Если б греки тогда изобрели термометр, он бы показывал минимум 40 градусов.

Солнце накалилось до той степени, что уже не пекло, а – жалило.

Собственно, ситуация самая, что ни на есть кризисная.

Ведь в те времена еще не изобрели холодильников и кондиционеров.

Греки думают: «Все, мол, видать конец Кипру близится...»

А Спиридон им и говорит: «Граждане, слаба ваша вера...»

Сказал, а потом опустился на колени прямо на рыночной площади

и молился Богу не как-нибудь, а ровно три дня и три ночи.

Греки ходят вокруг и думают: «А не проще ли перебраться куда-нибудь севернее, например, в Сочи?»

И вот на третий день, глядь, а небо-то заволокло тучами. Молнии засверкали так, что греки спрятались с головами под одеяла.

Потому что до этого на острове Кипр в лучшем случае шел слабенький дождик, а такого ливня никогда не бывало.

Два монолога

«Всё тебе позволительно, но не вкушай плода:
Я посадил то древо, чтобы украсить Сад.
Еву даю тебе. Помни, Мой сын, Адам,
что у того, кто пал, нету пути назад.

Всё тебе позволительно, но не во всём любовь:
если ты не слушаешь, то обратишься в прах.
Я – твой Отец Небесный, нету иных богов,
помни об этом, сын Мой, ибо не дремлет враг.

Если ты не слушаешь, вскоре познаешь смерть,
ибо нарушишь главный и основной закон:
Слово Моё есть Жизнь, камень, фундамент, твердь.
Помни об этом, сын Мой, и не считай ворон», —

Так говорил Господь в первые дни Земли.
Первые люди – двое – жили тогда в Раю.
Жили бы там и дальше, если б не ложь змеи —
змей, обратившись к Еве, линию гнул свою:

«Всё тебе позволительно, но... не вкушать плода?
Ты не находишь странным этот Его запрет?
Где же твоя свобода? Ева, ты молода...
Вы же в Раю живёте, Хосподи, как в тюрьме!

Если Отец вас любит, то почему не дал
полной свободы действий? Ева, ведь ты умней,
чем этот добрый малый, этот простак Адам... —
так обращался к Еве хитрый, лукавый змей. —

Ева, меня послушай, этот запретный плод
сделает вас – богами! Только представь себе:
будут твои детишки, внуки, от плоти плоть,
царствовать над природой, в целом, по всей Земле!

Внуки твои построят страны и города!
Ветер из поднебесной будет у них слугой,
(с горы размером встанут из-под земли дома),
утихомят воду и укротят огонь!

Ева, ты – мать всем людям. Помни, в твоих руках
будущее потомков: либо они рабы,
либо цари природы. Пусть обратятся в прах,
главное ведь устроить детям надёжный быт».

Через веков смятенье слышится плач эпох.
Два монолога этих обращены и к нам.
Гадко смеется змей, почил в печали Бог...
В каждом из нас есть Ева, в каждом из нас – Адам.

Письмо Богу

Господи Боже, пишем тебе с Земли!
Как дела твои, Господи, чем занимаешься там?
А у нас ничего, жизнь идёт, как всегда на мели,
ну грешим потихоньку, зато иногда ходим в храм.

Если честно, скучаем. Надеемся, любим и ждём.
Ты заглядывай в гости – накормим, уложим в постель.
Мы – хорошие люди, и каждый откроет свой дом,
и не будет Тебе одиноко на этой земле.

Есть, конечно, вопросы (и много) к Тебе, как к Творцу.
Их обсудим отдельно, и думаем, Ты объяснишь.
Мы же, все твои дети, хотим возвратиться к Отцу,
и нам хочется верить, что Ты нас однажды простишь.

Мы по слухам узнали, что Ты здесь уже побывал,
был обычным рабочим, ну, в общем, таким же, как все.
Ты любил всех людей и за эту любовь жизнь отдал,
когда Твой же народ Тебя предал, распяв на кресте.

Без Тебя как-то грустно: нам стало Тебя нехватать!
Опустела планета, как будто, и люди – пусты.
Не успев обрести, мы успели Тебя потерять,
но надеемся снова однажды Тебя обрести.

Мы по слухам узнали, что Ты обещал заглянуть
и развеять тоску, без Тебя охватившую мир.
Приходи, Боже наш, приходи, но подольше побудь...
Если честно, не хочется, чтоб ты вообще уходил.

В общем, всё, как всегда. Ждём ответа. Не пропадай.
Если где согрешили – прости, не суди и забудь.
Может, в гости приедем (не против?) когда-нибудь
в рай...
Если примешь, то, Боже, пришли поточнее маршрут.

«Смерть ли это земли, гнев ли неба?..»

Смерть ли это земли, гнев ли неба?

И гроза, и война, и огонь, и вода там и тут.

И во время войны Русь славит убитых Бориса и Глеба,
ведь во время войны они Русь, как дитя берегут.

Канонада орудий сливается с грохотом грома,
вспышки молний тревожней, чем взрывы крылатых ракет.

Танец Смерти танцуя над пропастью черного гроба,
не забудь, милый брат, мне в глаза, не таясь, посмотреть.

Ты увидишь: поля и луга, реки, лес и равнины,
и нахмуренных гор запредельную величину.
Деревень ты услышишь гул тихий, седой и былинный,
и поймешь, что Господь свою руку тебе протянул.

Томограмма души зачастит родником-звукорядом:
сердце бьется по-русски у тех, кто любовь сохранил,
кто умножил добро, выбирая не право, а правду,
кто ушел воевать за жену, за страну и за мир.

И когда час последний пробьёт, остановится время,
помяни всех святых, своей смертью стяжавших любовь,

отпусти, что имел, помолись, опустишь на колени,
осеняя крестом и себя, и друзей, и врагов.

«Половина четвёртого. Не пора ли в небытие?..»

Половина четвёртого. Не пора ли в небытие?
Слышно, как во дворе дышит соломы стог.
Примолкли сверчки, цикады, и в глубине
мироздания почил древний, красивый Бог.

Половина четвёртого. Звёзды – осколки дня.
Кроток в улыбке месяца тот, кто дарует сны.
Стрелка часов настенных не убежит от меня —
утром мы просыпаемся, чтобы догнать часы.

Половина четвёртого. Призрачен мир ночной.
Духи живут невидимо в воздухе. До утра
кружат над миром многие, разные, и порой
кто-то из них покажется вблизи моего двора.

Половина четвёртого. Дрогнули рубежи.
Перемешалось сущее, времени будто нет.
Если задал вопрос: «Господи, что есть жизнь?»,
просто дождись восхода, чтобы узнать ответ.

«Жизнь, как жизнь, мужчины – люди...»

Жизнь, как жизнь, мужчины – люди,
их влечёт жизневорот:
ягодицы, ноги, груди,
губы, плечи и живот.

Не суди мужчину строго,
он хотел бы лучше стать,
не смотреть на груди, ноги,
ягодицы, но опять

он идёт к тебе навстречу
по неверному пути.
Видит: груди, ноги, плечи,
макияж и каблуки.

«Москва. Станция метро «Пражская...»

Москва. Станция метро «Пражская».
Магазин цветов на перекрёстке.
Девушка выходит из метро. Кажется,
что у неё во взгляде мерцают звёзды.

Когда она проходит мимо цветочного бутика,
ей под ноги падают лепестки роз,
будто она не просто девушка, а из мультлика,
ну или вообще – волшебница из страны Оз.

Она идет, улыбается прохожим, открыто и так по-русски.
Улыбка – вулкан, а не свечи огарок.
И в каждом, кто видит её, вдруг просыпается чувство,
что ему сделали дорогой подарок.

Девушка останавливается на переходе, ждёт светофора.
Вокруг кружат птицы, на её плечи садятся бабочки.
Она просто стоит, но при этом преображает город,
не девушка, а гирлянда цветастых лампочек.

И город теперь такой праздничный, пёстрый.
Кажется, в этом городе счастливы даже здания.
Девушка не торопится, во взгляде мерцают звёзды.

Девушка не торопится, ведь у неё – свидание.

«Комната. Теплый свет...»

Комната. Теплый свет
старого ночника,
стол, на столе – букет;
скотч не долит в стакан.

Тень выбегает из-
под кровати. Нас
тянет куда-то вниз
в сотый, наверно, раз.

Рот на замке у штор;
белая простыня.
Но наших тел узор
сводит на нет заря.

«Упокой, Господи, души усопших, но верных Твоих рабов...»

Упокой, Господи, души усопших, но верных Твоих рабов,
тех, кто ходил по земле и теперь похоронен в ней.
Осенью ветер носит их дыханье среди полей,
там, где каждая ягодка верит в Твою любовь
и каждая травинка знает о ней.

Упокой, Господи, души усопших, но верных Твоих рабов,
тех, кто плавал по водам, тех, кто ушел на дно.
Осенью их дыханье волне задает свой тон,
там, где каждая водоросль верит в Твою любовь
в непрерывном шепоте тихих волн.

Упокой, Господи, души усопших, но верных Твоих рабов,
тех, кто летал по небу, летал и спускался вниз.
Осенью солнце поднимает их дыхание ввысь,
туда, где каждое облачко верит в Твою любовь,
где ласточка чертит между мирами дефис.

«Если б глаза – не глазки...»

Если б глаза – не глазки,
если бы нос – не носик,
я б не нашел отмазки
в том, что меня уносит.

Если бы бровки – брови,
ушки бы, если б – уши,
с ходу бы я не помер,
но без сознания б рухнул.

Я б не влюбился нежно,
страстно и без оглядки,
зная, что под одеждой
тоже не все в порядке.

«Нью-Йорк – как МНОГО В ЭТОМ СЛОВЕ...»

Нью-Йорк – как много в этом слове
для сердца русского слилось!
Нас пичкали и день и ночь
американскою мечтою.

Мы родились, чтоб потребить
продукт, нам посланный Госдепом;
он создан, чтобы в мире этом
умы людей навек пленить.

Мы повелителем своим
поставили зеленый доллар.
И «Novus Ordo Saeculorum»*, —
с любовью нежной говорим!

И вот коленопреклонен
весь мир единственным банкиром.
Как кукольник, он правит миром,
но мир не думает о нем.

* «Novus Ordo Saeculorum» – «Порядок Нового
Времени», надпись на однодолларовой купюре.

Вавилонская башня

Если б вселенная треснула, дала бы брешь,
интересно, что бы сквозь эту трещину влилось
в мир наш?

И еще интересно, могли бы мы проскользнуть промеж
швов, и увидеть, что там: благодать или блажь?

Вавилонскую башню строили романтики, а вовсе
не наглецы.

У наглого мысли коротки, ему невдомек,
что всё однажды закончится, и все концы
в своем кулаке сжимает Единый Бог.

Господи, да неужто нам по земле ползти,
когда Ты совсем рядом. Вон, в облаках,
Ты живешь. Господи, ты нас прости,
мы были прахом и мы обратимся в прах,

но так ведь хочется, пусть на секундочку, с Тобой побыть,
а, если получится, то непременно забрать сюда!
Вдруг Тебе там скучно, Господи? Может быть,
Ты ждешь, когда потянется к тебе крепкая человеческая
рука?

Мы – люди, как люди, ну грешные, ну и пусть.
Это же не значит, что мы не любим Тебя.

Мы выучили молитвы и помним их наизусть.
Прости нас, заблудших, но, в общем, нормальных ребят!

Ты веруй в нас, Господи, верь в нас, люби и жди.
На земле мы построим Тебе самый надежный дом.
Мы фундамент заложим на камне, чтоб не смыли его дожди.
Мы из камня вымостим стены, чтобы выстояли под огнем.

Мы украсим дом Твой мехами, и кружева непременно постелем под ноги, чтобы Ты, когда будешь здесь, помнил, что вера наша жива.
Вокруг дома будут бить фонтаны и расти цветы.

Вокруг дома, Господи, будет стоять стена,
и с зубцами башни будут Тебя хранить.
Вдоль стены мы поставим стражников, чтобы нам злые люди не мешали Тебя любить.

И живи здесь, Боже наш, хоть тыщу лет!
Мы придем к Тебе в гости – не пустыми, со всем своим.
Мы накроем стол: мясо, вино. Завет наш, простой, человеческий Тебе дадим.

Вавилонскую башню строили романтики, но она кем-то была разрушена. О немногом я хотел бы спросить... Сколько ран должен выстрадать человек прежде, чем помириться

с Богом?

«Утро. Деревня. Я выхожу во двор...»

Утро. Деревня. Я выхожу во двор.
Ноги утопают в детстве, в сырой траве.
Отец, возвращаясь из леса, держит в руке топор.
Белое облако пасется невдалеке.

Ты мал и любим, оттого-то тебе легко.
Мир наполняет музыка: лай собак, жужжание шершней,
пчел, писк комаров;
мимо проходит облако, копытами выбивая такт.

Я забираюсь на дерево, потому что я – Робинзон.
Сотворив руками бинокль, разглядываю поля,
и вдруг начинает двигаться горизонт,
кардиограммой скачут его края.

Отчего-то кажется, что это игра ума:
в фиолетовой дымке, словно из ничего,
рождаются туловища гигантских громад.
Ты мал и любим, и это страшнее всего.

Отец смотрит вдаль, и лезвие топора,
словно оскалившись, рвется собакой в бой,
но отец говорит: «Сын, не бойся, пора.
Нынче пропала разница между тобой и мной.

Теперь ты мужчина, взрослый, храни мой завет:
никогда не слушайся слабого, труса бей,
не испытывай жалости к павшему, и ответ
на любые вопросы всегда имей.

Помни, что значит «Родина». Родина – это все
те, кто тебя окружает: мама, отец, твой брат,
друзья, с которыми тебе весело, и сосед
дядя Миша – ты думал, что он твой враг.

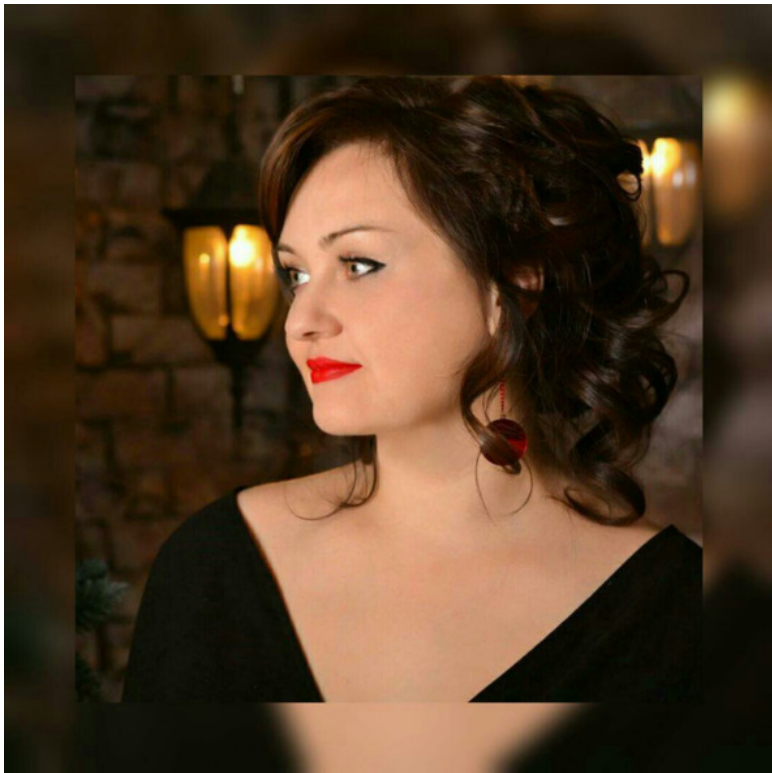
Родина, сын, это твоя жена,
которая однажды родит от тебя детей.
Помни, что Родина у тебя может быть только одна,
как бы, сынок, ты другую себе не хотел.

Что значит «Родина»? Родина – это жизнь
ради всего, что любишь. И это смерть
за все, что тебе дорого. Не дрожи, как лист,
встань, посмотри вперед, будь смел».

Мы больше не говорили с отцом. Мы только глядели
вдаль.

По полю шли танки, с угрозой прицеливая рога.
Но мне не было страшно, хотя я был мал.
Я просто стоял. И я не боялся врага

Ирина Кульджанова

Казахстан – Караганда

Наша служба и опасна и трудна

Это была обычная дежурная суббота в поликлинике наркологического центра. На случай, если вдруг кто-то придёт за консультацией – осмотреть, порекомендовать, объяснить порядок госпитализации и подготовки к ней. Заполнить карточку, возможно, сделать необходимые назначения. В общем, ничего из рук вон сверхъестественного.

Пациенты в субботу редки – новую жизнь принято начинать с понедельника, да и последствия старой и бурной жизни тоже зачастую начинают мешать жить именно вначале недели. И эта суббота уже почти закончилась. В поликлинике тишина, заканчиваю работать с карточками, через пятнадцать минут уже конец рабочего дня. В поликлинике никого, на этаже я одна, девочки из регистратуры ждут, когда уйду, чтобы закрыться. В кабинет заходит крупный мужчина лет тридцати. Предлагаю присесть, начинаю спрашивать. Он отмахивается – не на прием. Объясняет, что на пятом этаже в стационаре девушка его лежит на лечении, он хочет её навестить. Сообщаю, что сегодня нет уже посещений, теперь в понедельник. Долгим взглядом смотрит на меня, и я вижу его зрачки. В кабинете не очень яркое освещение, но они – точечные. Он, судя по всему, сам наркозависимый, причем с определенным стажем, и находится в опьянении. Говорит и двигается с некоторой заторможенностью, но это не броса-

ется в глаза, в какой-то момент поначалу даже подумалось: «Характер – нордический...». Предлагаю ему сейчас – спуститься вниз, я его провожу, напишу расписание посещений, и мы увидимся в понедельник, и он сможет навестить свою девушку... Про себя добавляю: «В понедельник тут будет куча народа, и мне уже будет не страшно повстречать тебя где угодно». Он послушно кивает, идёт впереди меня, смотрю на его мощный белобрысый затылок в слипшихся завитках редких волос, мы спускаемся с третьего на первый, краем глаза замечаю застывших девчонок в регистратуре. Почти выталкиваю его за дверь, с размаху захлопываю ее. Уф! Избавилась!

– Ирина Анатольевна. Это Потап. Он иногда по субботам приходит. Простите. Мы просто дверь не успели закрыть... Нет у него в стационаре никакой девушки. Он врача приглядывает, что б на выходе сумку отобрать...

Спасибо, конечно, теперь мне гораздо спокойнее...

– Что, – говорю, – его только врачи интересуют? Или кого-нибудь из вас в жертву можно принести? И что, он без личного знакомства не грабит, что ли?

Переглядываются.

– Нет, сначала знакомится... А у нас ещё час работы, проводим Вас сперва...

– И что мне теперь делать?

– Ясно дело, что. Сейчас посмотрим, если под дверью ошиваются – полицию вызовем. А нету – так и идите себе

спокойно, значит, уже придумал, где денег раздобыть...

Хватаюсь за голову. Так, дышать глубоко, это всего лишь наркоман, он не в ломке, в таком состоянии он не должен быть агрессивен.

– Он что, на людей среди бела дня у больницы нападает? Почему, если не в первый раз, он до сих пор на свободе?

– Так он это, деньги заберет, а сумку и вещи возвращает, наши просто с собой деньги на дежурство не берут, и всё...

– И всё, просто—то как! И все довольны вокруг...

– Да Вы не волнуйтесь, Вам же нельзя волноваться, ну хотите – вызовем наряд, пусть шуганут его!

Да, я на седьмом месяце беременности, мне нельзя волноваться, да, я хочу наряд! И я волнуюсь, потому что мне он не показался добродушным малым, и потому что мне просто страшно... В общем, я совершенно расклеилась, и пока собрала вещи и закрыла кабинет и дошла до регистратуры – все время думала, как же я до дома добираться буду... Мне ж он теперь за каждым кустом мерещиться будет, а на свою прыть я, увы, рассчитывать нынче совсем не могу.

Наряд девочки вызвали. Через несколько минут подъехал УАЗик, из него – прям как в кино – красиво повыпрыгивали парни в камуфляжной форме и масках, с оружием. Пока они дружно шерстили палисадник и кусты вокруг больницы, я с грустью думала, что если муж мой узнает о том, что сегодня произошло – можно будет попрощаться мне с работой...

Потапа не выловили. Я вцепилась в командира, заглянув-

шего подписать вызов – и он молчаливо кивнул мне в сторону машины. Потом, высадившись со мной у дома, так же молча двинул за мной в подъезд, дождался, когда мне откроют дверь. Кивнул изумленному моему мужу, развернулся и почти бесшумно исчез.

Больше Потап в наркологии не появлялся – по крайней мере, пока я там ещё до своего декретного отпуска дорабатывала. Может, его ещё никогда не ловили таким внушительным отрядом и он испугался, может, нашёл себе более комфортное местечко, или попался где-нибудь и угодил в места не столь отдаленные, где излечился по неволе от своего пагубного пристрастия... А может, умер от передозировки в каком-нибудь тёмном углу. Выбор у него, приходившего не на лечение, был не так уж и велик, в конце.

Ах, эти ночи в стране грёз...

Первое ночное дежурство. У кого-то оно случается ещё во время учёбы в институте, или на интернатуре, если твоя родная дисциплина неразрывно связана с работой в отделении, будь то терапия или хирургическая практика. Обычно ты, будучи зелёным нетерпеливым студентом, съёшь нос во все, что тебе никто не собирается демонстрировать, потом пытаешься участвовать в том, куда тебя не особо зовут – ну а потом – старательно избегаешь кажущихся слишком простых и уже виденных и даже! ха! производимых тобой уже не раз манипуляций! В любом случае, на каждом этапе рядом всегда есть кто-то старший, опытный, который руководит процессом – и несёт ответственность за то, что происходит. И к тому моменту, как становишься самостоятельным, не раз и не два все делаешь под присмотром.

Так уж вышло, что чаша студенческих ночных дежурств меня практически минула... Дежурство толпой в неотложке и на скорой вспоминается как маята – нас много, приткнутая негде, мы всем мешаем, ночи тихие, мёрзнут ноги, хочется домой и есть. Интернатура под загадочным для моих родителей аббревиатурой ВОП для меня, беременной первую ее половину и кормящей мамашкой – вторую – была мимолетной и незапоминающейся ничем, кроме хронического недосыпа и перманентного поиска аптеки с протарголом...

Диплом – и я – ура! врач общей практики. Согласна, звучит как-то уж совсем расплывчато, но ведь и все полученное за семь лет в институте где-то рассортировано по полочкам, а где то и свалено в не разобранныю кучу в голове. Так что, всё находится в равновесии... Пройденная специализация по психиатрии и наркологии пришлась впору – что не улеглось и не рассортировалось – было запихнуто в чёрные мешки и задвинуто подальше, в самые дальние уголки памяти. И вот я, новоиспеченный специалист, психиатр-нарколог, не хухры-мухры, выхожу на работу в – ну конечно же, наркологический центр... А точнее, в поликлинику при нём. Работа в поликлинике – это песня.

Работа в наркологической поликлинике – особая песня... И оказалось, что мне положены ночные дежурства... В том же здании на двух верхних этажах стационар, на первом этаже – круглосуточная экспертиза. Как положено, медсестры, приходящий дежурный врач—реаниматолог, которого я не знаю, и он там где-то недосыгаем в недрах закрытой реанимации... И я, дежурный нарколог, одна в ответе за всё, что происходит на этих пяти этажах. Специфика наркологического стационара состоит в том, что пациенты ведутся и контролируются очень интенсивно в дневное время лечащими врачами, поэтому ночи проходят всегда довольно спокойно и вмешательство дежурного врача ночью требуется крайне редко. Зачастую дежурство включает в себя несколько экспертиз приехавших самих или привезен-

ных ДПС водителей и пару плановых обходов отделений... Но мне, судя по всему, крупно повезло.

Как только стемнело, приехал первый наряд с ДТП. Опытнейшая медсестра, дежурившая со мной, руководила процессом как кардинал Ришелье. Быстро, чётко – и незаметно для чужих глаз. За что я была ей безмерно благодарна. Последняя точка в документах – и я выпроваживаю обоих водителей и инспекторов. Ура! В голове всплывает вопрос – почему я на специализации даже не видела, как это всё происходит? Не научилась... Вот не надо было мне так думать, наверное... Потому как жизнь решила предоставить мне все возможности, чтобы набить руку, шишки и оскомину. Буквально, спустя час – успела пройтись по отделениям и убедиться, что все в порядке – на дорогах стало происходить нечто. Экспертизы шли одна за другой, без перерыва. В коридорчике столпилась куча народа в ожидании, когда дойдёт их очередь. Где-то на четвертой экспертизе у меня включился автопилот, все было нормально, я справляюсь, ура!

И тут – звонок из отделения. Просят подняться, срочно. Бегу с первого на пятый этаж. Давлю пипку звонка на двери. Открывает медсестра. Закрывает за мной. Всё, как положено. Полный коридор народу – из палат все выскочили, шум и гам. Над столом сестринского поста часы – пол-двенадцатого. Медсестра ведёт меня в конец коридора, по дороге выясняю – один из пациентов, наркозависимый, в стационаре не первый раз, госпитализирован позавчера, по назначению

всё получает... Останавливаюсь на полпути – что всё отделение делает в коридоре? Пожар? Нет? Все по койкам! Народ нехотя и медленно рассасывается, ну как же – один из них что-то учудил, а досмотреть? Вижу, наконец, причину переполоха, высокий худющий мужчина лет тридцати пяти, так сказать лицо кавказской национальности. Медсестра шепотом рассказывает- это лицо разгрызло одноразовый станок, кусок лезвия со свободным краем за щекой. Требуется доза, деньги, одежду и свободу... Видно, видя меня впервые, медсестра решает нужным подсказать – санитаров в отделении, что б его ...зафиксировать, нет, вызвать бы милицию... как обычно в таких случаях. Сказать, что я удивилась – это ничего не сказать. Как, нет санитаров? Как, две медсестры всего? Милицию – как обычно? Смотрю назначения – достаточно, чтоб успокоился и недостаточно, что б загрузился. Ничего не понимаю... Говорю жарко бунтующему небритому:

– Дозы нет, деньги – ещё не заработала, одежда Ваша у родных дома – на свободу можете отправляться хоть сейчас – в футболке, трениках и резиновых шлёпках. Судя по адресу в истории (далекий Пришахтинск), и погоде, к утру у нас будет новый подснежник.

Пока собеседник пережёвывает услышанное и мусолит лезвочку за щекой, звоню за отделением. Ну уж пусть простит поздний звонок неумехи и незнайки – но я и в самом деле не пойму, из гарпуна что ли по болезному препаратами стрелять? Что мне с ним делать? Почему не загружен по пол-

ной и не сопит смирно до утра? Слышу в трубке:

– А, что-то он в этот раз рано спёкся, вызывай милицию, пусть подержат его, пока девчонки колоть будут. – и диктует мне назначения для укрощения строптивого. И в конце фразы, достойная Макиавелли:

– Ну ему это всё-равно, как слону дробина, заобщайся с командиром, скажи, Гоги через часок всё-равно забрать придётся...

Обещаю страшному Гоги всё, что его душа пожелает, минуток через пять. Прошу лезвочку отдать. Не отдает. Иди, говорю, вещи собирай, пойду выписку готовить. Снизу, с экспертизы, уже раз пять звонили. Спускаюсь... Беру двух ДПСников и прошу побыть в отделении до приезда группы, на ходу объясняю ситуацию. Они не очень счастливы, но не отказывают... Звоню, вызываю наряд, рядом суфлёром моя медсестра. До приезда группы успеваем провести одну экспертизу. Группа приезжает быстро, очень эффективно – броники, каски... Суровые молчуны без одышки бегут на пятый этаж. Дверь открывает медсестра. Через пару минут в Гоги вкачано всё, что было можно вкачать, лезвие изо рта вынуто, краем глаза замечаю, что вещи собраны – медсестры уже готовы к выселению... может, всё-же не придется? Подписываю документы, благодарю командира, впереди – экспертизы...

Время этой ночью измерялось их количеством. Спустя четыре наряда ДПС – одно ДТП с пострадавшими, один води-

тель с сахарным диабетом, парочка водителей на самом деле подшафе – Гога восстал из забвения. Постовая медсестра обреченным голосом сказала по телефону:

– Ирина Анатольевна, вызывайте ребят...

Вызываю... Беру с собой в отделение очередных инспекторов, снова всё объясняю, мне снова не отказывают... Наряд заскакивает в отделение следом за нами, Гоги, успешному схватить полотенце и ведущему охоту на медсестру, чтоб её придушить, неласково прикладывают небритым лицом несколько раз в пол. Забирают... Вижу, как у медсестры с многолетним стажем работы в наркологическом стационаре глаза наливаются слезами, мелко дрожат плотно сжатые губы... Звоню вниз, на экспертизу, прошу подождать ещё несколько минут... Спрашиваю: «Мы всё добро в это одно лицо утолкли, или ещё есть, чем успокоится трём слабым женщинам?» Она непонимающе смотрит на меня, вторая медсестра подхватывается, говорю ей вслед назначения – чего тихариться, не спит никто в отделении... Прибегает, делает укол своей сослуживице. Та сидит, тихо плачет. Мне идти надо уже.

– Девчонки, – говорю, – давайте-ка чайник поставьте, попейте, да поспите по очереди. А я зайду, как экспертизы разгребу.

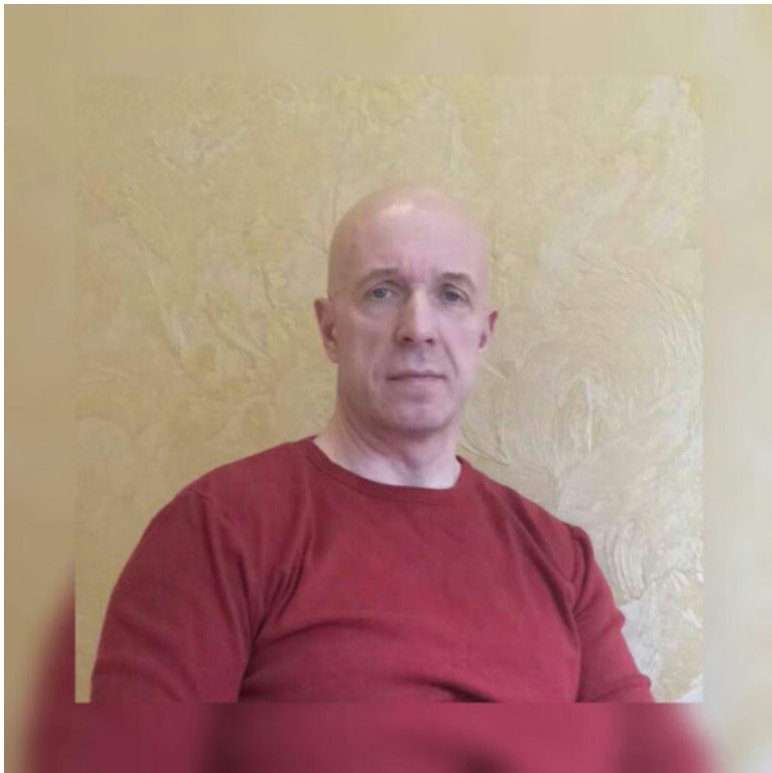
Бегу вниз – там народу – не продохнуть... На часах полчетвертого... Последнюю экспертизу заканчиваю пятнадцать минут восьмого... Поднимаюсь вверх. В отделении

ях всё тихо. Смотрю на стопку исписанных актов на столе, на шеренгу пробирок в штативе. Семнадцать экспертиз... На свой даже не вытащенный из пакета вчерашний ужин...

Впереди – дневной приём...

К слову сказать, конечно, я перепугалась потом, когда начали меня все жалеть и ужасаться, а до этого мне ж сравнить не с чем было, вот и думала, что так и должно было быть!

Владимир Платонов

Россия – Псков

Панацея от жизни

«Ну, что же, вот он – кристалл! Анализатор даёт подтверждение по всем четырнадцати параметрам! Кто бы мог подумать, что он находится здесь, на этой планете? Сколько копий сломано из-за него? Сколько погублено жизнью и искалечено судеб? Этот кристалл на целое столетие вверг в огромную межзвёздную войну население шестнадцати цивилизаций в двух галактиках! На его поиски потрачены астрономические суммы! В его розыске задействованы колоссальные ресурсы мощнейших транспланетных корпораций! Сто шестьдесят девять экспедиций, оборудованных по последнему слову науки и техники, за последние пятьсот лет обшарили более четырёхсот возможных мест его нахождения абсолютно безрезультатно! А сколько их пропало без вести? О нём написаны книги и сняты фильмы, множество писателей и режиссёров стали лауреатами самых различных премий! Но никто – никто и никогда не видел его воочию, поскольку его существование было доказано лишь теоретически! Были многочисленные попытки создать его искусственно, но в итоге сумели сделать только основу для питания приборов вроде этого анализатора. И вот я сижу прямо напротив него и запросто так смотрю на одно из месторождений!» – так думал Майкл, сидя на камне и глядя на вздымавшееся в небо гигантское кристаллическое зерно.

«Миллиарды мегакредитов потрачены на поиски, а он, оказывается, здесь, всего-то в пяти парсеках от Земли! Огромные зёрна кристалла рассыпями лежат прямо на поверхности планеты! Разработка и добыча будут стоить сущие пустяки!» – продолжая рассматривать находку, мысль за мыслью перебирал в голове старый космический бродяга...

Руководитель управления грузоперевозок «Транспланетной корпорации времени» Майкл Маковский вообще-то не был стар. На свой нынешний пост он пришёл прямо от штурвала большого пассажирского лайнера, поработав до этого почти на всех типах космических челноков. Он был опытным пилотом и путешественником, но его возраст был ещё далёк от той стадии, когда хорошо помнишь содранную в детстве коленку, но не можешь найти утром очки, потому что забыл, куда их положил с вечера.

Срочный вызов на конференцию по изменению торговой политики корпорации не предполагал промежуточных остановок. Однако, при выходе из гиперпространства бортовой компьютер выдал сообщение об ошибке с номером, говорившем о неверных координатах окончания пути. Запустить главный двигатель вновь не удалось, но, на счастье, корабль вынырнул неподалёку от звезды, явно имеющей планету земного типа. Майкл совершил вынужденную посадку, но о непредвиденной задержке особо не переживал. Време-

ни до начала первого совещания было достаточно, ремонтная база корабля была очень хорошо оснащена, а сам пилот когда-то работал в ремонтном доке и знал, как чинить двигатели и устранять прочие неполадки.

Обычно Майкл прибывал на мероприятия, подобные предстоящей конференции, один, но в этот раз программа была такой насыщенной, что ему пришлось взять с собой секретаря-референта – молоденькую симпатичную девушку по имени Нора, совсем недавно взятую на работу в офис, но отлично справлявшуюся со своими обязанностями. Она, конечно же, изучала обязательные курсы «Внеземелье», «Межзвёздные коммуникации» и «Общий курс управления космическим челноком», но всерьёз путешествовать по галактике ей пока не доводилось, а пилотировать корабль самостоятельно – тем более. Поэтому она весьма эмоционально восприняла известие о вынужденной посадке, но, видя полную безмятежность и уверенность Майкла, быстро успокоилась.

– Странно! – произнёс после посадки Майкл и замолчал в раздумии.

– Что странно? – вопросом ответила ему спутница.

– Я не выключал посадочный двигатель! Похоже, он выключился сам!

– Серьёзно?

– Готов поклясться! Хотя..., чёрт его знает! Ну, да, ладно! Нужно выйти, осмотреться. Пойдёшь?

– Это вообще надолго?

– Нет. Пары – тройки часов, думаю, мне хватит.

– Тогда не пойду. Я, пожалуй, лучше... Майк! А что это за сигнал?

– Где?

– Да, вот, на этом приборе! Вот этот зелёный мигающий огонёк!

– А, это! Это детектор «Кристалла бессмертия», тоже, видимо, в починке нуждается. Его устанавливают в обязательном порядке на все корабли любого класса, но я ещё ни разу не видел, чтобы он работал. И ведь его не отключишь, у него особое автономное питание!

– Смотри-ка! Приборная панель погасла! И свет погас! Что это такое?

Майкл задумчиво обвёл взглядом погасшие мониторы рубки управления и произнёс:

– Ясно! Этот детектор, видимо, заблокировал электронику. По протоколу, если он включается, пилот или командир корабля обязаны выполнить действия по инструкции номер один, предписывающей немедленное исследование планеты на предмет поиска «Кристалла бессмертия», и пока не будет выполнена эта инструкция, прибор не позволит лететь дальше. Так что это он виновник нашей остановки, хотя я сталкиваюсь с этим впервые, но вот вопрос – почему при этом погас ещё и свет? Ведь и пространственный коммуникатор, наверное, не работает тоже!

– Почему?

– Видимо, что-то не так с детектором!

– Аварийное освещение не включается тоже из-за него?

Майкл немного посидел молча и сказал:

– Да, скорее всего. Иной причины я просто не могу себе представить. Отключить резервный генератор очень трудно, почти невозможно. Так что, вероятно, это он. Ладно, есть в этой ситуации и плюсы.

– Какие? – с надеждой спросила Нора, которая уже начала беспокоиться от последних новостей.

– Не надо будет тратить время на подготовку ремонтной базы, поиск и устранение неисправности. Нужно выполнить эту чёртову инструкцию по протоколу, и прибор разблокирует всё сам.

– Майк, мы что, и вправду можем найти «Кристалл бессмертия?»

– Ну, что ты! Нет, конечно! – рассмеялся в ответ на такой наивный вопрос первый пилот, он же – командир корабля.

– А как же он тогда выключится?

– Есть шесть обязательных процедур проверки, если результат хотя бы одной из них отрицательный, детектор выключается и снимает всю блокировку.

– Но, если что-то не так с детектором, то он может и не снять блокировку?

– Чрезвычайные ситуации допускают его отключение, так что я знаю, как это сделать. Ну, я пошёл! Не скучай! Связи

у нас с тобой нет – всё обесточено, но полагаю, более двух часов я не задержусь. Впрочем, всё должно восстановиться ещё до моего прихода, сразу по окончании последней процедуры проверки.

С этими словами он встал, зашёл в отделение Главного механика, не без труда, в темноте нашёл нужное оборудование и вышел из корабля. Скафандра на нём не было – он был не нужен, поскольку воздух был пригоден для дыхания, как показали анализаторы ещё до входа в плотные слои атмосферы.

Для точности измерений по инструкции следовало отойти на пару километров от корабля. Майкл шёл по зелёной траве, удивительно похожей на земную, и мысленно напевал весёлую песенку. Он пребывал в прекрасном настроении и сам удивлялся внезапному ощущению полной беззаботности. Пейзаж вокруг него гармонично сочетал земную похожесть с инопланетным контрастом. Голубое небо с редкими перистыми и кучевыми облаками было точь-в-точь земным, однако диск местного светила был гораздо меньше и ярче привычного Солнца. Частые холмы были покрыты зеленью, но их вершины имели причудливые острые концы, что было не характерно для Земли. Зелёный цвет местной растительности говорил о преобладающем царстве хлорофилла, но сами растения при ближайшем рассмотрении имели весьма диковинный вид.

Майкл отошёл уже довольно далеко от корабля, он подхо-

дил к какой-то долине, как вдруг, внезапно открывшийся новый вид заставил его остановиться и замереть. В то же мгновение зуммер специального анализатора подал настойчивый сигнал к началу проверки. Долина, открывшаяся взгляду, была испещрена выходящими на поверхность планеты скоплениями кристаллических зёрен гигантского месторождения. От мгновенно пришедшей в голову догадки – что это за кристаллы? – захватило дух и, не смея поверить в правильность идеи, Майкл дрожащими пальцами начал разворачивать аппаратуру.

Немного раньше ему показалось, что на горизонте мелькнуло ещё нечто очень интересное, но открывшийся вслед за этим вид и сигнал анализатора отвлекли его внимание...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.